

Профессор музыки (Настоящие вещи)
Номинация «Пьеса для детей» (юношеская аудитория)

Памяти А. Ю. С.
17.05.2015, 21.21

Действующие лица:

СЕРЁЖА, 16 лет
ЛАРИСА, 15 лет
ЛИДИЯ, 36 лет
САНЬКА, 17 лет
КАТЯ, 16 лет
СОЛОМОН, 36 лет
ВАЛЕРА, 40 лет
МАРИЯ МИХАЙЛОВНА, 70 лет
ДИМАС, 20 лет
ВАСЯ, 35 лет
СОНЯ и ВЕРА, 16 лет
КЛАРА ХАИМОВНА, 68 лет

Действие происходит в субботу, воскресенье, понедельник, вторник и среду.

СУББОТА

1.

Ранняя осень, вечер. Двор пятиэтажной хрущёвки. У подъезда на скамейке сидит СЕРЁЖА, уставился в телефон, рядом школьный рюкзак.

Появляются ЛАРИСА и ЛИДИЯ с пакетами продуктов. ЛИДИЯ останавливается, смотрит на СЕРЁЖУ, тот не поднимает головы. ЛИДИЯ всходит на крыльцо, ищет ключи, входит в подъезд. ЛАРИСА подходит к СЕРЁЖЕ.

ЛАРИСА. Чё, специальности не было?

СЕРЁЖА. Соломон болеет.

ЛАРИСА. А чё не позвонил, что раньше пришёл, мы всё одни тащили...

СЕРЁЖА. Денег нет.

ЛАРИСА (Ставит пакет рядом с ним на лавку, вынимает сто рублей). На, пока я добрая.

СЕРЁЖА (Не берёт деньги). Это чьё? Это дядя Вася дал?

ЛАРИСА. Дядя Вася. На.

СЕРЁЖА. Вчера же дядя Валера был.

ЛАРИСА. Ну, дядя Валера.

СЕРЁЖА. Что-то ты путаешься в показаниях.

ЛАРИСА. Какая разница. (Прячет деньги.)

СЕРЁЖА. Правда что, какая разница.

ЛАРИСА. Не хочешь – не надо.

СЕРЁЖА. Не хочу. Не надо. И это вот тоже убери отсюда. (Отодвигает от себя пакет.)

ЛАРИСА. Чё убери, может, ты убери? Мы это, как саврасы, вдвоём тащили, а ты и пальцем не пошевелишь, это ты тоже есть будешь, между прочим.

СЕРЁЖА. Не буду.

ЛАРИСА. Ты так долго не протянешь. (Демонстративно достаёт из пакета кулёк с черешней, ест, выплёвывает косточки.)

СЕРЁЖА. Что ты жрёшь её, она грязная, немытая.

ЛАРИСА. Мне аппендицит уже вырезали.

СЕРЁЖА. Иди в дом вообще, что ты тут...

ЛАРИСА. Потом.

СЕРЁЖА. Ждёшь кого-то, что ли?

ЛАРИСА. А ты не ждёшь?

СЕРЁЖА. Саньку своего ждёшь, да?

ЛАРИСА. А тебя Катька опять послала?

СЕРЁЖА. Давай-давай. Будешь ходить к своему Саньке, такой же станешь.

ЛАРИСА. Какой – «такой же»?

СЕРЁЖА. Как эта.

ЛАРИСА. Точно, послала тебя Катька. А мы видели их, когда шли. Они там за домом бутылки на палках повтыкали и ездят. Не скоро ещё будут. А ты её ждёшь, как дурачок...

СЕРЁЖА. Слушай, я что на днях по телеку видел...

ЛАРИСА. Телек – зло.

СЕРЁЖА. Угу. Я же у бабки постоянно. Она обожает это зло. Просто притон зла у неё дома. Так вот, там передача была, из этих скандалов, и вот показывают. У женщины умер муж. И она стала мужиков к себе водить. Крыша съехала маленько. А у неё два сына были, подростки. Они терпели-терпели, а потом закопали её в огороде.

ЛАРИСА. Дебил.

СЕРЁЖА. Через три недели признались.

ЛАРИСА. Да это не то вообще! Кто к ней ходит? Это её друзья вообще. Они же договорились ей помогать. Ещё на поминках.

СЕРЁЖА. А чё она из дома сразу выгоняет, как кто придёт? Меня к бабке! А ты к Саньке ходишь, и ей ничего!..

ЛАРИСА. Да пьют они просто. Выпивают. Стыдно, наверное...

СЕРЁЖА. Ей другое стыдно. Не заметила? Она все фотки в комод прячет. Или вот так кладёт плашмя. Ей стыдно, что отец смотрит.

ЛАРИСА. Бредишь... Я знаю. Это тебя Катька послала, и у тебя комплексы.

СЕРЁЖА. При чём тут Катька вообще?

ЛАРИСА. Послала же, да? Я по лицу вижу.

СЕРЁЖА молчит, утыкается в телефон. ЛАРИСА кидает в него косточками черешни.

ЛАРИСА. Серёнь! Ну Серёнь! Ну чё у тебя там с Катькой? А? Ну, скажи, мне интересно. Ну, скажи!

СЕРЁЖА. Ещё раз так сделаешь – буду бить тебя. Очень больно.

ЛАРИСА. Раньше что-то не бил. Боялся?

СЕРЁЖА. Просто раньше я любил тебя больше.

ЛАРИСА. Меня-то за что?

СЕРЁЖА. А ты, типа, ничего не видишь? Ты, типа, фея?

ЛАРИСА. Это её жизнь! Понимаешь – её!

СЕРЁЖА. У неё жизнь. А у меня что – говно на палке?

ЛАРИСА. Так скажи ей! Поговори с ней сам! Чё ты мне-то вываливаешь!

СЕРЁЖА. Мне там находиться противно.

ЛАРИСА. А мне лучше, что ли? Потерпишь! Я в магазин её водила! Теперь твоя очередь!

СЕРЁЖА берёт пакет с продуктами и рюкзак, уходит в дом. ЛАРИСА сидит на крыльце, плачет.

2.

Квартира. Кухня. ЛИДИЯ режет хлеб. СЕРЁЖА входит, ставит пакет на стол, рюкзак на табуретку. Некоторое время наблюдает за ЛИДИЕЙ.

СЕРЁЖА. Тупой. Дай.

ЛИДИЯ. Что? (Серёжа забирает у неё нож.) Ты со мной разговариваешь?

СЕРЁЖА. А с кем? С привидением? (Вынимает из ящика стола точильный камень.)

Масло.

ЛИДИЯ. Что «масло»?

СЕРЁЖА. Масло дай. Надо капельку масла. Так папа делал, когда точил. Ты помнишь, я надеюсь?

ЛИДИЯ. Надо вообще керамические ножи купить, они не затупливаются. (Вытирает руки, достаёт из сумки кошелёк, из кошелька – деньги.) Вот. Пойдёшь к бабушке – купи, у неё в торгушке рядом.

СЕРЁЖА. Я сегодня опять к бабушке?

ЛИДИЯ. Ей с утра на службу.

СЕРЁЖА. Пусть Лариска проводит.

ЛИДИЯ. Лариска к Саньке.

СЕРЁЖА. Лариска к Саньке. Ты, значит, тут. А бабушка за всех молится. Хорошо устроились.

ЛИДИЯ. Можешь не ходить.

СЕРЁЖА. Да нет, я пойду.

ЛИДИЯ. Не надо. Бабушка сама как-нибудь дотащится.

СЕРЁЖА. Вот только меня не надо виноватым делать. И вообще, зачем эти ножи, они кости не режут. Надо машинку.

ЛИДИЯ. Купи машинку.

СЕРЁЖА. Купи да купи... Я к Кате схожу, у неё у папы есть.

ЛИДИЯ. Ой, я не люблю вот это всё. Хождение по соседям. Как в советские времена. За солью, за фикусами...

СЕРЁЖА. Ты не любишь – я пойду.

ЛИДИЯ. А потом говорят чёрт-те что.

СЕРЁЖА. Кто говорит? Никто ничего не говорит.

ЛИДИЯ. Ладно, иди к Кате своей.

СЕРЁЖА. Я просто не хочу тратить деньги, которых нет.

ЛИДИЯ. Только Катя же ещё не дома. Они там на пустыре ездят. Папа учит её.

СЕРЁЖА. Ну, подожду под дверью.

ЛИДИЯ. К бабушке пойдёшь?

СЕРЁЖА. Не знаю.

ЛИДИЯ. Если пойдёшь, позвони ей заранее.

СЕРЁЖА. Денег нет.

ЛИДИЯ. Возьми на телефон себе. И на ножи.

СЕРЁЖА забирает деньги со стола. Берёт нож. Выходит. ЛИДИЯ смотрит на фотографию на полке. Кладёт её плашмя.

3.

Двор. Осенние сумерки. ЛАРИСА всё ещё ждёт. Наконец появляется САНЬКА.

ЛАРИСА (Вскакивая). Десять часов!

САНЬКА. Ну брат только с армии, я не мог не пойти, говорил же.

ЛАРИСА. Он неделю как с армии, а всё одно и то же.

САНЬКА. Я не мог не пойти.

ЛАРИСА. Волосы влажные...

САНЬКА. Из бани только, пошли скорее, продувает.

ЛАРИСА. Вы в бане были?

САНЬКА. В сауне.

ЛАРИСА. Со шлюхами, конечно.

САНЬКА. Ларис, чё ты сразу начинаешь?

ЛАРИСА. А ты меня за дуру держишь? Чё вы там ещё делать-то могли!

САНЬКА. Ну, типа, мыться, не?

ЛАРИСА. Да ты пьяный вообще!

САНЬКА. Слушай, нет, они хотели, да куда там, насмешили только, им бы до дома доползти, а не шлюхи, какие им там шлюхи. Я же позже приехал, я с автосервиса только, они уже упоротые были, они там без меня начали с Жорой. Блин, пацаны смешные, храбрились, храбрились, потом... на стан поедем, в бильярд поедем, в итоге, слушай, поехали до Жоры, он вылез из машины и упал на четвереньки, ну ясно всё, мы его там оставили. Потом в бильярд ехали-ехали...

ЛАРИСА. На время хоть бы смотрели!

САНЬКА. Так я и говорю, я смотрю на время, я смотрю – время уже ого, говорю, остановите тут...

ЛАРИСА. Спасибо, вспомнил обо мне.

САНЬКА. Да я не мог не поехать, говорю, я всегда о тебе помню, я и выпил немного специально. А пацаны смешные, вот зачем это гарцевание, не понимаю, шлюх снимем, на стан поедем... и те де...

ЛАРИСА. Так были всё-таки?

САНЬКА. Что?

ЛАРИСА. Шлюхи.

САНЬКА. Что ты вцепилась в этих шлюх? А были бы, я бы и не стал. Я вообще считаю, это подло как-то.

ЛАРИСА. Ну-ну.

САНЬКА. Ну, просто, шлюхи – это уж точно без любви. А мир без любви – он жалкий какой-то.

ЛАРИСА. Угу.

САНЬКА. Я бы и сам не захотел со шлюхами.

ЛАРИСА. Захотел бы. Просто у тебя денег нет. Автосервис, млять.

САНЬКА. Лариса, у тебя мать опять, да? Это?

ЛАРИСА. Не твоё дело.

САНЬКА. Слышь, я чё думаю. Надо твою мать напугать как-то.

ЛАРИСА. Как ты её напугаешь?

САНЬКА. Ну я не знаю, призрака соорудить.

ЛАРИСА. Урод. Ты соображаешь вообще?

САНЬКА. А что, а что я могу предложить, ты что, хочешь вот так вот чтобы всё было постоянно?

ЛАРИСА. Ничё я не хочу.

САНЬКА. Всё, хватит, я законенел уже совсем. Пошли.

ЛАРИСА. Серёга сказал – если я к тебе буду ходить, такой же стану. Как она.

САНЬКА. Вот, значит, как Серёга сказал...

Из подъезда выходит СЕРЁЖА с ножом.

СЕРЁЖА. Сначала просохни, потом к сестре моей подходи.

САНЬКА. У тебя забыл спросить.

СЕРЁЖА. Я не шучу.

САНЬКА. А без ножа ссышь?

ЛАРИСА. Серёнь, ты чё?!

СЕРЁЖА. Чё-чё, нож ходил точить у Катьки.

ЛАРИСА. Её нету же!

СЕРЁЖА. Нету, вот я на улицу вышел ждать.

САНЬКА. Она не придёт, больно ты ей нужен.

СЕРЁЖА. Отойди, я нервный.

ЛАРИСА. Серёнь, отдай мне.

СЕРЁЖА. Не дам.

ЛАРИСА. Ну зачем он тебе тут?

СЕРЁЖА. А может, я хочу посмотреть, кто сегодня придёт?

ЛАРИСА. Ну увидишь – и что ты сделаешь?

СЕРЁЖА. Что-нибудь сделаю.

САНЬКА. О, смертоубийство. Блин, засада, я попкорна не запас.

СЕРЁЖА поворачивается к САНЬКЕ, медленно идёт на него.

САНЬКА. Слышь, ты глазёнки не закатывай. Отщепись, млять, «ярость берсерка».

К подъезду подходит КАТЯ.

САНЬКА. Катюха! Чё, как покатались?

КАТЯ. Я уже почти профи.

САНЬКА. Теперь ещё машину свою осталось...

КАТЯ. Мне дядя обещал отдать. Ну, после восемнадцати.

САНЬКА. Она дорогая какая-то вроде у него. Японка?

КАТЯ. Ага. Да он ездит неаккуратно. Его били, скотчем заклеивали. Ему стыдно теперь за неё садиться, говорит – чё она вся грязная, как свинья, скотчем заклеенная. Папа поорал, конечно, с него, решил у него выкупить, по-родственному.

САНЬКА. Я бы такую машину облизывал, на месте твоего дяди...

КАТЯ. Да там на ремонт уже по полмашины стоимость. Он недавно два диска погнул, оборвал крепление стабилизатора, кто-то его обгонял там, подрезал, он вылетел на встречу, зацепил арку какого-то автобуса, поворотник разбил...

САНЬКА. Тебе до восемнадцати рога да копыта останутся!

КАТЯ. Да вот как бы не так. (Серёже.) А ты чё с ножом?

СЕРЁЖА. Тебя ждал.

КАТЯ. Меня? С ножом?

САНЬКА. Он хотел со мной устроить махач.

КАТЯ. Горячий африканский парень.

СЕРЁЖА. Мне наточить его надо, у тебя машинка была...

КАТЯ. Ой, я не помню, где у нас машинка. Её, кажется, папа в гараж уташил.

СЕРЁЖА. Нафига машинка в гараже?

КАТЯ. А он всё туда тащит, как хомяк. Скоро там поселится. Я бы тоже поселилась.

Ладно, давай мне, я наточу.

СЕРЁЖА (Отдавая нож). Спасибо. Занеси завтра.

КАТЯ. Может, и сегодня.

СЕРЁЖА. Сегодня поздно.

САНЬКА. Сегодня тебе нельзя. Сегодня к матери его – хахаль придёт.

ЛАРИСА (со слезами). Быстро с глаз моих уйди! Быстро!

САНЬКА уходит.

КАТЯ. М-да. Что, совсем всё плохо?

СЕРЁЖА. Нормально.

КАТЯ. Как у самого дела? В музыкалку ходишь?

СЕРЁЖА. Счас Соломон болеет, временно не хожу.

КАТЯ. Жалко, ты не на гитаре учишься, а на пианино. Вышел бы, сбацал что-нибудь.

СЕРЁЖА. Да я хоть на чём могу сбацать. Хоть на расчёске. Слушай, я вспомнил... Ты в восьмом с нами ещё не училась?

КАТЯ. Нет.

СЕРЁЖА. Тогда ты не помнишь. Мы в седьмом или восьмом классе делали игру по русскому языку. Разделялись на команды. И там было одно из заданий – переделать песню, мы переделали эту, знаешь – «дружба крепкая не сломается», а подыгрывать не знали, на чём. Я взял расчёску с бумагой. А у неё звук такой бурдонный...

КАТЯ. Какой?

СЕРЁЖА. Бурдонный, это когда всё на одной ноте. И ты голосом модуляции делаешь. То есть как бы поёшь, но очень громко. Просто жесь.

КАТЯ. Жесь, да.

СЕРЁЖА. У тебя есть расчёска?

КАТЯ. Нет.

СЕРЁЖА. Ларис?

ЛАРИСА. Нет.

СЕРЁЖА. А ещё девочки, блин.

КАТЯ. У меня массажка, не пойдёт.

СЕРЁЖА. А, ну кстати, по массажке можно пальцем тыркать, типа, перкуссия.

КАТЯ. Смешной ты...

СЕРЁЖА. Это хорошо или плохо?

КАТЯ. Фиг знает.

ЛАРИСА. Смешной. Он сам песни пишет и не говорит.

СЕРЁЖА. А ты не пали, самая умная нашлась.

КАТЯ. Реально пишешь? А спой?

СЕРЁЖА. Потом как-нибудь. Сейчас поздно уже. Будут кидать ботинками. Из этих, из окон.

КАТЯ. Отмазон такой отмазон...

СЕРЁЖА. Да просто я не могу... В смысле, я их не акапелла... ну, там аккомпанемент нужен. Пианинка.

КАТЯ. Зайду как-нибудь, сыграешь.

СЕРЁЖА. Зайди, ладно. Как-нибудь.

КАТЯ. Смотри, обещал! Ладно. Спокойной ночи. (Поднимается на крыльцо, заходит в подъезд.)

СЕРЁЖА (Ларисе). Ну чё! Пошли со мной к бабушке?

ЛАРИСА. Она по мозгам ездить будет...

СЕРЁЖА. А куда ещё, не домой же.

ЛАРИСА. Ну да.

СЕРЁЖА. Хочешь, я её отвлекать буду. Скажу, что креститься хочу.

ЛАРИСА. Она же тебя потащит.

СЕРЁЖА. Ну и что?

ЛАРИСА. Всё равно?

СЕРЁЖА. Всё равно.

Уходят.

4.

Квартира. Прихожая. Звонок в дверь. ЛИДИЯ открывает, внутрь заглядывает КАТЯ.

КАТЯ. Здравствуйте. Ой, какая вы красивая...

ЛИДИЯ. Серёжа у бабушки.

КАТЯ. Я знаю. Ой, а из чего халат у вас такой красивый?

ЛИДИЯ. Шёлковый.

КАТЯ. Нет, в смысле не из чего, я неправильно сказала – откуда?

ЛИДИЯ. Коля из какой-то командировки привёз, его как конструктора отправляли. Царство небесное.

КАТЯ. Очень красивый. Из Индии, наверное.

ЛИДИЯ. Да перестань, старый, вон катышки на локтях, вообще я в нём сплю, я спать собиралась.

КАТЯ. А вы макияж перед сном не смываете?

ЛИДИЯ. Почему, смываю...

КАТЯ. А брови у вас нарисованные или свои?

ЛИДИЯ. Нарисованы.

КАТЯ. Я всегда думала, женщины, у которых брови нарисованы, как они... ну... как они...

ЛИДИЯ. Чего?

КАТЯ. Извините. Ну, когда с мужчинами они. Брови же... Они брови смывают заранее, перед тем, как – или прямо так? Потому что если с нарисованными, они же размажутся. А если без бровей, так это страшно совсем, рожа страшная, как её мужчина будет...

ЛИДИЯ. Катя, хватит строить из себя, будто ты из деревни, время тянуть.

КАТЯ. Я не тяну, я вам нож принесла. Увидела халат и брови и забыла совсем.

ЛИДИЯ. Наточили? (Забирает, пробует лезвие.) Ничерта вы не наточили.

КАТЯ. Мы точили-точили, точили-точили, но у Серёги руки не из того места.

ЛИДИЯ. Спасибо за старания.

Снаружи на лестнице слышны шаги, в прихожую заглядывает СОЛОМОН.

КАТЯ. Это вы? Это вы?

СОЛОМОН. Что такое? Это я, ничего, кроме меня.

КАТЯ. Вы! А Серёга сказал, что вы болеете! Ничё се – болеете!

СОЛОМОН. Серёга мог такое сказать, да, я уже понял.

КАТЯ. Так может, вам вредно?

СОЛОМОН. Что – вредно?

КАТЯ. Гулять на ночь глядя.

ЛИДИЯ. Это детям вредно. А взрослым можно. Катя, иди спать.

КАТЯ (Соломону). Не ожидала от вас. Вот от вас – не ожидала.

КАТЯ уходит.

ЛИДИЯ. Что же это ты, правда, ходишь по ночам? А, Соломон Адамыч?

СОЛОМОН. Пришёл как раз о Серёже поговорить.

ЛИДИЯ. Ночью?

СОЛОМОН. Да какая ночь, детское время, мы в школе торчим, к празднику готовимся. Я мимо шёл, вижу – окна светятся...

ЛИДИЯ. Под окнами ходишь? Как в старые добрые?

СОЛОМОН. В старые добрые я не ходил.

ЛИДИЯ. Ну да. Это я за тобой бегала.

У СОЛОМОНА звонит мобильный телефон.

СОЛОМОН. Да. Да, только закончили. Да ни с кем я, скоро приду. Да. Пока. Да, конечно.

Пока. Угу. Пока. (Сбрасывает.)

СОЛОМОН. Серёжа не ходит на занятия.

ЛИДИЯ. Говорит, что ты болеешь.

СОЛОМОН. Ничего я не болею. Я думал, он болеет. А ты не звонишь, не проверяешь.

ЛИДИЯ. Хочешь, чтоб ещё я тебе звонила, проверяла?

СОЛОМОН. Он тебе врёт, я бы на твоём месте насторожился.

ЛИДИЯ. Знаешь, я вообще перестала вопросы задавать. Нервы дороже. На школу там надо, я портфель собираю, по старой памяти, а то он рассеянный. Карандаши там, пенал, тетради. Ноты.

СОЛОМОН. Ему нельзя бросать.

ЛИДИЯ. Ты ему это скажи, это же он не ходит.

СОЛОМОН. Он способный.

ЛИДИЯ. Способный? И кем он будет? Кем он у нас тут станет? Учителем в школе? В ресторане лабать?

Снова звонит мобильный СОЛОМООНА.

СОЛОМОН. Я иду уже, иду. Вот, возле разъезда. Да, смотрю. Пока. Осторожно. Пока. (Сбрасывает.)

Лидия смотрит на него насмешливо.

СОЛОМОН. Слушай, если ты хочешь его забрать...

ЛИДИЯ. Я уже ничего не хочу. Мне вообще сложно уже что-то хотеть.

СОЛОМОН. Лида...

ЛИДИЯ. Пусть сам разбирается со своей жизнью. И тебе того же желаю.

Появляется ВАЛЕРА с букетом цветов.

ВАЛЕРА. Ух ты, у тебя уже гости?

ЛИДИЯ. Нет, это мини-родительское собрание.

СОЛОМОН. Я ухажу, ухажу.

ВАЛЕРА. Всего хорошего.

СОЛОМОН уходит.

ЛИДИЯ. Цветы зачем припёр?

ВАЛЕРА. Это что за хмырь?

ЛИДИЯ. Учитель музыки. Зачем цветы? Только деньги на ветер.

ВАЛЕРА. А тебе бы лучше деньгами?

ЛИДИЯ. От цветов голова болит, а от денег – нет.

ВАЛЕРА. Неромантичная ты.

ЛИДИЯ. Я рачительная.

ВАЛЕРА. Рачительный телёнок двух маток сосёт.

ЛИДИЯ. Что-что?

ВАЛЕРА. А ты мне объясни, зачем этот профессор музыки приходил в одиннадцать часов?

ЛИДИЯ. Чтоб сообщить мне, что мой сын мне врёт. Я действительно как-то упустила этот момент.

ВАЛЕРА. Ремня-то дать некому.

ЛИДИЯ. Ему нельзя ремня, он музыкант. Тонкая натура.

ВАЛЕРА. Куда ни плюнь – везде музыканты. (Достаёт из пакета бутылку вина.)

ЛИДИЯ. А винище-то зачем?

ВАЛЕРА. Ну хочешь, я один буду пить.

ЛИДИЯ. Да счас. Я уж тоже буду пить, чтоб тебе меньше досталось.

Уходят на кухню.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

5.

Утро. Сквер перед храмом. На газоне сидят ДИМАС и два его дружка, пьяные. Появляются СЕРЁЖА, ЛАРИСА и МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. СЕРЁЖА и ЛАРИСА ведут МАРИЮ МИХАЙЛОВНУ под руки, она останавливается через каждые несколько метров и тяжело дышит, опирается на палку.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Ох, давайте немножко остановимся, подышу.

ЛАРИСА. Бабушка, да наоборот, лучше побыстрее, а потом вон на лавочке посидишь.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Ой, не могу, совсем уже, совсем.

СЕРЁЖА. Опоздаем.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Не опоздаем, колокольчик, не бойся. Я специально, как умная Маша, за час выхожу, чтобы со своей скоростью добрести.

СЕРЁЖА. Да не в этом дело...

Компания на газоне, увидев СЕРЁЖУ, оживает.

ДИМАС. Христос воскрес!

ЛАРИСА (Серёже). Сколько время?

СЕРЁЖА. Да чё время, время мало ещё, ты посмотри, кто там.

ЛАРИСА. Точно, Санькин брат. А я думала, нищие. С утра синие уже...

СЕРЁЖА. Их как-то обойти надо, делай, я не знаю, что.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Что вы там бормочете?

ДИМАС. Эй, Серёга, я тебе сказал – Христос воскрес, а ты чё? Не умеешь?

ЛАРИСА. Бабуль, постарайся всё-таки побыстрее. Как можно быстрее.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Да это попрошайки, колокольчик, чего ты боишься. Где-то у меня кошелёк...

СЕРЁЖА. Специально ждали. Не лень было встать со сранья.

ЛАРИСА. Откуда им знать-то?

СЕРЁЖА. Два и два сложить. Если я к бабке вчера пошёл, то зачем? Ясно, что здесь появлюсь. Он им сказал. Этот твой...

ДИМАС. Серёга, сюда подошёл!

СЕРЁГА (Ларисе, шёпотом). Как хочешь, что хочешь, но идите в храм.

Отпускает руку бабушки.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Серёжа, подожди, я тебе денег дам!

ЛАРИСА. Баб, да это... его друзья, пойдём.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Друзья? А чего на газоне лежат, как собаки?

ЛАРИСА. Ну собака – друг человека же.

ДИМАС. Серёга, я тебе сказал – Христос воскрес, как надо отвечать?

СЕРЁЖА (Подходя). Воистину воскрес.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА (Кричит издали). Серёжа, мне не нравятся твои друзья!

СЕРЁЖА (Широко улыбаясь). Только пасхальная неделя давно закончилась.

ДИМАС. Края потерял, да?

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Серёжа, пойдём скорее!

СЕРЁЖА. Баб, вы идите, я счас! (Хватает за руку Димаса, трясёт её, хлопает его по спине, продолжая улыбаться). Что вы хотели, друзья?

ДИМАС. Охерел? Чё ты шерисься, пасть закрой.

СЕРЁЖА (С улыбкой). Я сейчас драться не могу.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Серёжа, может, ты палку мою возьмёшь?

ДИМАС. Иди, возьми палку, обсос, бабушка волнуется.

СЕРЁЖА (Улыбаясь). Чё хотите, как хотите. Хотите подраться – пожалуйста, но потом. Пусть они уйдут. У неё сердце слабое.

ДИМАС. Счас заплачем от жалости, млять.

СЕРЁЖА (Улыбаясь). Я тебе денег дам, только уйдите. (Вынимает из кармана купюры, протягивает.)

ДИМАС медленно забирает деньги.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Серёжа, нищим это много! Много!

ЛАРИСА. Бабуль, он им занимал, он им должен! Пошли, они разберутся!

ДИМАС. Брата моего мочкануть хотел, ссыкло, с ножом на человека, а меня купить собрался?

СЕРЁЖА. Я ходил нож точить, это Санька твоей – ссыкло.

ДИМАС медленно сминает деньги в ком.

ДИМАС. А я твою маму знаешь что? Знаешь?

СЕРЁЖА рвётся ударить ДИМАСА. По сигналу друзья ДИМАСА хватают СЕРЁЖУ за руки и удерживают, а ДИМАС засовывает СЕРЁЖЕ деньги в рот.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Серёжа, палку! Палку! Палку!

ЛАРИСА. Бабушка, стой!

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА добирается до дерущихся и колотит их по спине палкой.

ЛАРИСА пытается её оттащить. Появляется СОЛОМОН, вмешивается в драку, наносит довольно точные и болезненные удары, после чего куча мала распадается.

ДИМАС. Вы-то чё, млять? Вам-то чё не живётся?

СОЛОМОН. Милиция уже едет, уходи подобру, Дмитрий.

ДИМАС (Серёже). Я тебя найду потом.

ДИМАС и его дружки уходят.

ЛАРИСА. Бабушка, ты как? Может, скорую?

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Нет, ты знаешь, я как-то даже взбодрилась. (Соломону.)

Санечка, спасибо, колокольчик.

СОЛОМОН. Да не за что, тёт Маша. (Серёже). Ты в следующий раз бей сразу ногами.

Руки береги. Руки для музыканта – главное.

СЕРЁЖА. Какой я музыкант...

СОЛОМОН. Если будешь дальше прогуливать, точно никакой станешь.

СЕРЁЖА. Ну и пусть.

СОЛОМОН. Что значит – пусть? Тебе рано пока.

СЕРЁЖА. Что рано?

СОЛОМОН. Жить в разочарованиях.

ЛАРИСА. Бабуля, на службу опоздаем!

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Пойдём, пойдём, колокольчик. Серёжа, догоняй нас.

Идут к храму, СОЛОМОН и СЕРЁЖА остаются. СЕРЁЖА собирает разбросанные деньги.

СЕРЁЖА. Зачем вы вообще влезли?

СОЛОМОН. Я вчера у твоей матери был.

СЕРЁЖА. Вы были у моей матери?

СОЛОМОН. Я не за этим...

СЕРЁЖА. За чем – «за этим»?

СОЛОМОН. Я узнать, почему ты не ходишь.

СЕРЁЖА. Я к отцу хожу. А то там не убирает никто.

СОЛОМОН. Не обязательно так часто убирать.

СЕРЁЖА. Я просто посидеть. А то и поговорить не с кем.

СОЛОМОН. Можешь со мной говорить.

СЕРЁЖА. Да счас!

У СОЛОМОНА звонит мобильный телефон.

СОЛОМОН. Да. Да, куплю. Да, я прогуляться решил. Воздух хороший. Обязательно попозже вылезем. Да, пока. Да. Хорошо. Пока. Да. Пока.

Пока он говорит, СЕРЁЖА уходит.

СОЛОМОН. Серёжа!..

6.

Утро. Кладбище. СЕРЁЖА приходит на могилу отца с буханкой хлеба и бутылкой водки. Часть выливает на могилу, отщипывает хлеба, сидит возле могилы на скамейке.

СЕРЁЖА. Знаешь... Я не хочу никого убивать. Я даже хотеть не хочу.

СЕРЁЖА пьёт и съедает всю буханку, играет на расчёске.

7.

День. Спальня в квартире ЛИДИИ. На столе включённый ноутбук, пепельница с окурками, пустые бутылки, упаковки от продуктов, тарелки с крошками. ВАЛЕРА один в кровати, просыпается, потягивается. Встаёт, замечает ноутбук, присаживается к столу, что-то смотрит в браузере.

Входит ЛИДИЯ.

ЛИДИЯ. Ты чё там?

ВАЛЕРА. Да мне ехать сейчас на подписание, хотел посмотреть, куда.

ЛИДИЯ. В телефоне карты есть.

ВАЛЕРА. Я не умею их, куда их тыкать...

ЛИДИЯ. Слушай, даже я умею.

ВАЛЕРА. Я уже нашёл тут, мне на Московку надо.

ЛИДИЯ. Что ты забыл-то там?

ВАЛЕРА. Как обычно, договор на аренду подписывать.

ЛИДИЯ. Может, ну его?

ВАЛЕРА. Ты что, нельзя отменять, ещё гоняться потом за ними. Они же вечно: ой, давайте не в этот день. Ой, давайте перенесём. В итоге едешь в воскресенье в десять, одиннадцать утра на другой конец города. Причём приедешь, а они каждый раз наливают за знакомство. Я уже избегать пытаюсь. А они своё: ну, за знакомство! Ты такой: ну, может, без этого, может, сразу? Не-е-ет – за знакомство. И таких встреч три-четыре может быть. В аптеке, помню, ездил подписывать, мне вообще стакан спирта налили.

ЛИДИЯ. Так ты похмеляться едешь?

ВАЛЕРА. Куда там – похмеляться, я и сам не рад, иногда такую гадость нальют – из своих запасов, что ли. Выпиваешь стакан – фу, дрянь какая. Через десять минут: вау, выход за пределы сознания. Ещё через десять: да я всё вам подпишу на ваших условиях, дайте уже пойти пописать.

ЛИДИЯ. Сгораешь на работе просто. У Коли вон поджелудка отказала, не боишься?

ВАЛЕРА. Да, с Колей ужас, конечно.

ЛИДИЯ. А ты знаешь, что он между корпусами лежал полчаса, и никто даже не подошёл, не поинтересовался?

ВАЛЕРА. Там пусто в пересменку, никто просто не видел, видимо.

ЛИДИЯ. Потом я уже звонить стала. А он не любил, чтоб на работу звонили, ругался. Я просто что-то почувствовала.

ВАЛЕРА. Да ужас, Лид, чего говорить.

ЛИДИЯ. Это я к тому, что как пить вместе, так все друзья, а как погрёшь, так просто алкашня, и никто никому ничего.

ВАЛЕРА. Ну что сразу – алкашня...

ЛИДИЯ. И Коля был алкаш, и ты алкаш.

ВАЛЕРА. Чё сразу алкаш, работа вредная, говорю.

ЛИДИЯ. Убереги нас божечка от работы от такой, чтоб пить всё время и не знать, куда себя деть.

ВАЛЕРА. Тебя божечка неплохо от работы бережёт.

ЛИДИЯ. Да я ищу. Не устроилась ещё просто. За хорошие места люди зубами держатся.

ВАЛЕРА. Держатся... Видел я, как ты ищешь. По истории пошарил (кивает на ноутбук). Базу расширяешь? Клиентов новых, тэкскэть...

ЛИДИЯ. Сейчас выйдешь отсюда и никогда больше не зайдёшь.

ВАЛЕРА. Ты же нормальная баба, на экономиста училась.

ЛИДИЯ. Училась, своё уже отучилась, чтоб ещё ты меня учил.

ВАЛЕРА. Ты так долго не вынесешь.

ЛИДИЯ. Я много чего вынесла. Когда отца на заборе повесили, мама согнулась вся в дугу и только и могла, что молиться, а я – жила. Когда на проходную дозвонилась и мне сказали, что Коля всё, я вынесла.

ВАЛЕРА. Не вынесла. Ты вот этим всем себя добиваешь сейчас.

ЛИДИЯ. Чем «вот этим»? Чего ты там такого наискал? Вот это вообще подло, я тебе скажу, как в грязном белье копать.

ВАЛЕРА. А я тебе скажу, это плохо, когда история браузера похожа на грязное бельё.

ЛИДИЯ. Всё. Вали.

ВАЛЕРА. Выбери лучше кого-нибудь из нас. Не один же я к тебе хожу. Эти твои друзья, которые давно друзья... Кто там на поминках был, Сарычев? Из банка который...

ЛИДИЯ. Из банка. Он там давно не работает, кстати, а ему всё тычут этим банком. Он оскорбляется, интеллигентный такой стал.

ВАЛЕРА. А, ну раз ушёл, значит, не вариант тебе.

ЛИДИЯ. Валера, не доводи, уходи подобру.

ВАЛЕРА. Ещё там кто-то был, молоденький, носатый, но у него вроде жена...

ЛИДИЯ. Договор свой опоздаешь подписать.

ВАЛЕРА. Ничего, подождут. Или, может, профессор музыки твой?

ЛИДИЯ. У него мама.

ВАЛЕРА. Что – мама? Он на маме женат?

ЛИДИЯ. Мама парализована.

ВАЛЕРА. Тоже тебе не подходит, такой груз на шею...

ЛИДИЯ замахивается на него.

ВАЛЕРА. Вот и выходит, что лучше меня варианта нет.

ЛИДИЯ. Это ты мне так предложение делаешь? Оскорбив меня всячески?

ВАЛЕРА. Я хочу, чтоб ты отрезвилась немного.

ЛИДИЯ. Сам отрезвись, алкашня.

ВАЛЕРА. У тебя, как Коли не стало, будто и глаз не стало. Ты не видишь, что делаешь? Дети у тебя где? Где твои дети?

ЛИДИЯ. У бабушки дети.

ВАЛЕРА. Материнский инстинкт у тебя есть?

ЛИДИЯ. Материнский инстинкт – это выдумки, мужики выдумали, для удобства, чтоб женщину к месту привязать. А если бы он и был, я бы никаким инстинктом не решила второй раз за алкаша выйти. Коле сорока не было. Уходи, не могу больше.

ВАЛЕРА. Ты думаешь, такая гордая, послала, так к тебе другие прибегут? Скурвишься быстро. Не молоденькая.

Громкий стук в дверь.

ВАЛЕРА. Иди дверь открой.

ЛИДИЯ. Я не открываю никому. Я женщина одинокая, мало ли что.

ВАЛЕРА. Может, это дети твои.

ЛИДИЯ. У детей ключи есть. И бабушка звонит, когда они идут.

ВАЛЕРА. Я вот так же один раз к тебе стучал, ты не открыла.

ЛИДИЯ. Звонить надо было заранее.

Стук повторяется, стучат долго, громко.

ВАЛЕРА. Ну и кто там такой настойчивый?

Идёт в прихожую, открывает дверь, возвращается с СЕРЁЖЕЙ. СЕРЁЖА пьян.

ВАЛЕРА. Вон чё! Родную кровь не пускаешь!

СЕРЁЖА. Я не помню, как вас. Дядя Петя? Дядя Саша? Столько новых лиц...

ВАЛЕРА. Прямо вот столько?

СЕРЁЖА (Увидев на столе мусор). Уважаемые жители и гости нашей квартиры! Уважайте труд уборщиц. Просим вас убирать ваше дерьмо с глаз долой. Для вас придуман мусоропровод. (Сметает всё со стола на пол.)

ЛИДИЯ. Серёжа, ты что, пьян? Ты где деньги взял?

СЕРЁЖА. Ты сама дала мне деньги.

ЛИДИЯ. Я тебе на что давала?

СЕРЁЖА. Скажи спасибо, что не купил, на что давала.

ЛИДИЯ. Я тебе на ножи давала! Ты что, как папа, хочешь?

СЕРЁЖА. Да поскорее бы. А ножи лучше от меня подальше, а то прирежу! Или тебя, или себя.

ВАЛЕРА. Ремня не хочешь, нет, в качестве успокоительного?

ЛИДИЯ. А ты какое право имеешь ему ремнём грозить?

ВАЛЕРА. Я вообще уже ушёл.

ЛИДИЯ. Иди-иди.

ВАЛЕРА уходит, ЛИДИЯ закрывает за ним дверь. СЕРЁЖА вынимает из ящика комода фотографию, другую ставит на полку, третью находит в шкафу и тоже возвращает на место, подравнивает. Роняет фотографию, разбивает стекло.

СЕРЁЖА. Блин. Папа, прости. (Пытается собрать осколки.)

ЛИДИЯ. Стой, я совок принесу. Стой, обрежешься.

СЕРЁЖА (Собирая осколки). Папа, прости меня. Папа, прости.

ЛИДИЯ. Ты успокоился?

СЕРЁЖА (Чуть не плачет). Ничё я не успокоился.

ЛИДИЯ. Сердитый такой. Сердитый. Сердитый мой пресердитый. Казачина ты, казачина ты моя глупая...

СЕРЁЖА. Какая ещё казачина, я ненавижу казаков.

ЛИДИЯ. Так Коля же из казаков, по материнской линии.

СЕРЁЖА. Мне всё равно, я ненавижу казаков, ясно?

ЛИДИЯ. Он тоже, как что ему не так, сразу наголо шашечку и всех покрошить в крошечки.

СЕРЁЖА. Не удобряй меня!

ЛИДИЯ. Что я тебя? Не удобряй?

СЕРЁЖА. Не пытайся меня удобрить!

ЛИДИЯ. Ах ты, Господи. (Хохочет.)

СЕРЁЖА. ...Разговорами об отце. Не пытайся.

ЛИДИЯ. Не пытаюсь. Удобрить. (Не может перестать смеяться.)

СЕРЁЖА. Я злой. Я очень злой.

ЛИДИЯ. Злой-презлой.

СЕРЁЖА. У меня дико болит голова.

ЛИДИЯ. Так ещё бы, столько выпить. (Перестаёт смеяться.) Серёженька, вот правда, не пей, ладно? Если ты ещё будешь пить, я вообще, я не знаю, из окна прыгну.

СЕРЁЖА. А ты не води кого попало в квартиру. Это моя квартира, моя, тут всё моё. Я не хочу, чтоб тут воняло чужими, чтоб были их окурки, бутылки эти, не хочу тут никого видеть. Я дома хочу жить, не у бабки. Это моё место, моя жизнь.

ЛИДИЯ. Моё, моё. Не твоё, а наше.

СЕРЁЖА. Если не перестанешь водить, я каждый день буду пить.

ЛИДИЯ. Я тебе денег не дам.

СЕРЁЖА. Украду, если надо.

ЛИДИЯ. Сядешь.

СЕРЁЖА. Тебя прав лишат.

ЛИДИЯ. Запугать меня хочешь? Иди проспись.

СЕРЁЖА. Ты если фотки отца убираешь, чтоб он не смотрел, так я буду, как он, чтоб ты видела. Так же приходиться, шататься и падать. И звать тебя Лидкой. Потому что ты Лидка. Лидка, где ужин? Лидка, поменяй мне штаны, я обоссался! Лидка-Лидка! (Падает.)

ЛИДИЯ уводит его в другую комнату. СЕРЁЖА что-то бормочет и вяло сопротивляется.

ЛИДИЯ возвращается, звонит по городскому телефону.

ЛИДИЯ. Добрый день, а Соломона Адамовича можно? Почему в школе, воскресенье же?.. Ах, точно, праздник... Нет-нет, я из родительниц, просто про ребёнка хотела узнать. Да уж наверное, Клара Хаимовна, вы меня узнали, мы с ним в одной школе учились... (Слушает, на лице медленно появляется отвращение.) Я перезвоню. (Вешает трубку.)

8.

Квартира МАРИИ МИХАЙЛОВНЫ, ЛАРИСА смотрит телевизор, МАРИЯ МИХАЙЛОВНА ходит туда-сюда по комнате.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Ты звонила?

ЛАРИСА. Бабуль, не бесись.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Он уже давно должен был вернуться.

ЛАРИСА. Решил погулять.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Лида тоже не отвечает?

ЛАРИСА. Да не слышит, наверное.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Чёрт знает что. Чёрт знает что.

ЛАРИСА. Бабуль, ты чё-то раздухарилась. Тебе драка на пользу пошла. Давай я ещё тебе Саньку приведу, ты его палкой поколотишь.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. А что Санька, поссорились?

ЛАРИСА. Походу, да.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Вот и слава Богу.

ЛАРИСА. Да?

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Не пара он тебе.

ЛАРИСА. Угу. Автосервис.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Вот куда они могли с Санькой пойти?

ЛАРИСА. Бабуль, ты чё, не с Санькой, а с Соломоном.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Соломон тоже Санька. В школе Санькой звали, а то длинно.

ЛАРИСА. Да куда б ни пошли, ничего он ему не сделает, учитель же. У них мужской разговор.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Вот пришли бы и тут разговаривали на кухне. Не чужие, между прочим. Твоя мама с этим Соломоном встречалась.

ЛАРИСА. Вот прямо?

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Она не говорила?

ЛАРИСА. Да как-то речи не было.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Мама твоя в школе многим мальчикам нравилась.

ЛАРИСА. Уж я догадываюсь.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. А потом это было с твоим дедом, ну ты же знаешь, начало девяностых, он где-то вляпался, с конкурентами не поладил, по бизнесу... Говорила я ему, брось ты этот бизнес, вернись в школу, не помрём с голоду, люди помогут, если что, с дачи будем питаться... Одно лето мы с дачи питались, правда, такие дожди были, и зарплату нам задерживали сильно, так мы и питались одними этими кабачками, только кабачки уродились...

ЛАРИСА. Да, ты рассказывала.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Это дикое время было, ужас, у нас во дворе постоянно стреляли, ты представляешь, середь бела дня, а один раз я иду домой, а на площадке сосед другому из-под полы автомат продаёт.

ЛАРИСА. Как – из-под полы? Как он ему влез туда, под полу?

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Ну не из-под полы, просто тайком. И не автомат, я спутала.

Пистолет.

ЛАРИСА. А-а. Санька говорил, что у его папы есть пистолет служебный.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Так я о чём. Когда деда твоего убили, мама твоя как-то быстрее оправилась, чем я, слава Богу, в школу только не ходила недели три, ну я уж её не трогала.

ЛАРИСА. Я бы сейчас тоже с удовольствием.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Что ты с удовольствием?

ЛАРИСА. В школу не ходила.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Это ты брось.

ЛАРИСА. Мне же на него теперь смотреть каждый день.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. На кого, не поняла?

ЛАРИСА. На Саньку.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Да выкинь его из головы.

ЛАРИСА. Угу.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Так о чём я, потом она вернулась в одиннадцатом классе и уже только с одним мальчиком ходила. Вот это как раз Соломон тот и был.

ЛАРИСА. А потом чего?

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. А мать у него ужасная.

ЛАРИСА. Мать-то при чём?

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Ну не позволила она им.

ЛАРИСА. В смысле – не позволила? А кто её спрашивал?

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Ну, я, знаешь, тоже не в восторге была, но его мать – особенно, она такая властная, ты же знаешь, как у них, он, кстати, так и не женился. А она парализованная сейчас, мать-то его, ноги парализовало, он её в коляске иногда выкатывает. В сквере тут гуляют, видела? Напротив живут.

ЛАРИСА. А, точно.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Они в Израиль хотели уехать, а тут её парализовало, лечились-лечились, надо было денег наскрести и туда ехать, да он не наскрёб, денег у него никогда не было, с его музыкалкой.

ЛАРИСА. А может, их сейчас помирить?

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Да не смейся.

ЛАРИСА. А что? Если любовь была.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Да какая любовь в десятом классе.

ЛАРИСА. Да хоть в первом.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Не смейся. До любви дорасти надо, а это пока игрушки, в таком возрасте, ненастоящее.

ЛАРИСА. Мне кажется, людям самим лучше понятно, настоящее у них или нет, это надо у людей спрашивать, баб.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Где Серёжа, я уже не могу. Позвони ему.

ЛАРИСА. Серёжа-Серёжа. Не пропадёт твой Серёжа!

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Он должен пообедать и позаниматься. Ему надо заниматься по два часа в день, как минимум.

ЛАРИСА. Я тоже хочу обедать. Давай без него пообедаем.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Он в последнее время вообще забросил. Надо за него взяться.

Вот Саня, кстати, очень много занимался, они старательные, это у них не отнять.

ЛАРИСА. Саня?

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Соломон. В школе, тогда.

ЛАРИСА. Может, мама поэтому захотела, чтоб Серёжа играл.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Может быть.

ЛАРИСА. Видишь? Значит, настоящее.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Да бред это.

ЛАРИСА. Бред – это когда люди из-за мамы пожениться не могут.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА. Ой, колокольчик, жизнь намного сложнее. Молодые всегда думают, что родители неправы. А на деле со стороны-то лучше видно.

ЛАРИСА. Ну не знаю.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА (Жёстко). Я зато знаю. Не пререкайся.

ЛАРИСА (Услышав звонок). Мобильник возьми, мама, наверное.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА (По телефону). Лидочка! Спит? Ой, как я рада! А чего он спит, день же? Ну да, не выспался, на службу рано мы пошли... Ой, тут что было, он тебе не рассказал?..

Рассказывает в красках про события сегодняшнего утра. ЛАРИСА притворяется, что смотрит телевизор, по щекам катятся слёзы.

ПОНЕДЕЛЬНИК.

9.

Вечер. СЕРЁЖА один дома, играет на фортепиано, набрасывает ноты в тетради.

Хмурится, черкает и правит текст, правит ноты, наигрывает одним пальцем, мычит мелодию.

Звонок в дверь. СЕРЁЖА открывает.

КАТЯ. Ты один?

СЕРЁЖА. Кать, она придёт счас.

КАТЯ. Ты мне обещал свои песни показать.

СЕРЁЖА. Кать, я потом. Она никогда надолго не уходит.

КАТЯ. А где она?

СЕРЁЖА. В магазине. Хрен знает. Наверное, в магазине. Они вчера тут всё сожрали, один хлеб...

КАТЯ. Да она не скоро придёт.

СЕРЁЖА. Скоро. Давай я потом.

КАТЯ. Когда потом, если она всё время дома? Давай, чё ты боишься? Чё мы такого делаем?

СЕРЁЖА. Ладно, только быстро.

Лихорадочно поправляет что-то в нотах. КАТЯ уходит на кухню.

КАТЯ (Кричит с кухни). Можно вина?

СЕРЁЖА. Не трогай лучше!

КАТЯ (Вернувшись с бокалом вина, опирается на фортепиано). А? Куртуазенько.

СЕРЁЖА. Ты где такое слово подцепила?

КАТЯ. Не помню. Лина Петровна, кажется, говорит.

СЕРЁЖА. Это кто?.

КАТЯ. Это у «бэшек» математичка. Она чего сказанула недавно, Санька график рисует такой, функцию, а она смотрит такая и говорит: какая-то зигзигулина у вас нефинтикультяпистая.

СЕРЁЖА. Тебе Санька рассказал?

КАТЯ. Ну а кто?

СЕРЁЖА. Как он выговорил-то? Зигзи...

КАТЯ. Ну ты играть мне будешь?

СЕРЁЖА. Буду, сейчас поправлю тут...

КАТЯ. Какой-то ты напряжённый. Давай я тебе сделаю массаж.

Массирует ему плечи. Шум в прихожей, входят ЛИДИЯ и ВАСЯ Сарычев.

КАТЯ. Здравсте.

ЛИДИЯ. О. Какие гости.

КАТЯ. Мне уйти?

ЛИДИЯ. Да вы что, мы вам не мешаем, мы тут тихонько на кухне посидим.

КАТЯ. Нет-нет, вы нам не мешаете, главное, что мы вам не мешаем.

ВАСЯ. Привет.

СЕРЁЖА поднимается с места, протягивает ВАСЕ руку. ВАСЯ пожимает руку, СЕРЁЖА делает движение, будто хочет сделать захват, смеётся. Все нервно смеются.

ЛИДИЯ и ВАСЯ уходят на кухню.

КАТЯ. Ну, чего ты?

СЕРЁЖА. И чтоб они слышали? Да ну.

КАТЯ. А давай постонем, чтобы их затроллить.

СЕРЁЖА. С ума сошла?

КАТЯ. Ах! Ах, боже мой!

СЕРЁЖА зажимает ей рот, КАТЯ приглушённо хихикает, борьба.

КАТЯ. Ну пой, чё ты?

СЕРЁЖА. Да не могу я! При ней – не могу!

КАТЯ. Слушай, ты как больной. Они нам правда не мешают.

СЕРЁЖА. Мешают.

КАТЯ. Чё у тебя с глазами?

СЕРЁЖА. А чё у меня с глазами?

КАТЯ. У тебя они вытаращились, вот так вот белая полоска вверху, как у бычка.

СЕРЁЖА. Му-му-му.

КАТЯ. Была такая история, про Му-му-му, там всё плохо кончилось.

СЕРЁЖА. Это ты к чему?

КАТЯ. Так.

Уходит.

СЕРЁЖА черкает что-то в нотах, потом рвёт их.

ВТОРНИК.

10.

Школьный коридор, перемена. У дверей класса стоят СОНЯ и ВЕРА, одноклассницы Серёжи. Подбегает ЛАРИСА, заглядывает в кабинет.

ЛАРИСА. Серёжи нет?

СОНЯ. Ну посмотри ещё, может, найдёшь.

ЛАРИСА. Где он?

СОНЯ. Чё мы его, сторожить должны? Слышь, Вера, слышь... Как там... Разве сторожи мы брату твоему?

ЛАРИСА. Рожи-сторóжи.

ВЕРА. Да вниз он пошёл. В туалет.

СОНЯ. В тубзилайн.

ЛАРИСА. Блин, ну я тут подожду.

ВЕРА. Жди, нам-то чё.

СОНЯ. Разрешения просишь, что ли?

ЛАРИСА. Пошли вы...

ВЕРА. Ой, грубая какая, а грехи-то замаливать придётся, Ларисочка.

СОНЯ. В церковь пойдёшь, с боженькой разговаривать, рассказывать, какая ты плохая.

ВЕРА. Мы тебя видели, вы с церкви выходили с бабкой.

ЛАРИСА. И чё теперь?

СОНЯ. Чё, помог вам боженька?

ЛАРИСА показывает ей средний палец.

СОНЯ. Не помог, по ходу.

Появляется СЕРЁЖА, весь мокрый, тяжело дыша, оберегает правую руку.

ЛАРИСА. Ты мылся, что ли?

СОНЯ. По ходу, его мыли!

ВЕРА. Покрестили!

СОНЯ. В унитазе.

СЕРЁЖА. В каком вам унитазе, не был я в унитазе!

ЛАРИСА. Ты где это? У тебя кровь на руке, дай!

СЕРЁЖА (Пряча руку). Об зубы ободрал, уйди.

ВЕРА. Дрался? Серёга дрался? Серёга, ты же пианист, тебе нельзя!

СОНЯ. Поссать-то хоть успел?

ВЕРА. Не видишь, всё кругом обоссал, и себя тоже.

СОНЯ. Не, слышь, Вера, он левой рукой держал это, а правой бил.

ЛАРИСА. Кто тебя так?

СЕРЁЖА. Угадай с трёх раз.

ВЕРА. Его Санька в туалете подождал.

СЕРЁЖА. А вы знали, подлюки.

СОНЯ. Да все знали, что пацаны тебя в унитазе искупают.

ЛАРИСА. Это правда?

СЕРЁЖА. Не был я ни в каком унитазе. Меня из фонтанчика облили, ясно?

СОНЯ. Слышь, Вера, слышь, они его смыть пытались, но он застрял.

ВЕРА. Слишком большая какашка.

СОНЯ. Тофно.

ЛАРИСА. Слышьте, слышьте, Серёга девочек не бьёт, а я-то вполне могу.

СОНЯ. Да вас тогда вообще убьют. Шлюхины детки.

ВЕРА (Распевая). Шлюхины детки, шлюхины детки.

СЕРЁЖА (Ларисе). Они все это повторяют, ясно? От каждого услышал сегодня. Это этот твой! Санька твой!

ВЕРА. Чё Санька? Да ты сам первый всем ходил, рассказывал!

СЕРЁЖА. Я ничего никому не рассказывал!

СОНЯ. Слышь, а ты расскажи, поди, есть, что рассказать.

СЕРЁЖА. Моя мать не шлюха, ясно?

Появляются САНЬКА и КАТЯ, у САНЬКИ губа разбита, КАТЯ промакивает губу салфеткой.

КАТЯ (Показывая на Серёжу). Смотрите, дети, перед вами настоящий водяной. Из-за плохой экологической обстановки водяные больше не обитают в озёрах и реках, зато живут на подножном корму в унитазах...

СОНЯ. Гениально.

ЛАРИСА. Нашли друг друга! Автосервис и авто... леди.

САНЬКА. Вы готовы, дети?

СОНЯ И ВЕРА. Да, капитан!
 САНЬКА. Я не слышу!
 СОНЯ И ВЕРА. Так точно, капитан!
 САНЬКА. Кто проживает на дне унитаза?
 СОНЯ И ВЕРА. Серёжа Бородин, шлюхин сын!

Звенит звонок. ЛАРИСА тянет СЕРЁЖУ прочь. Остальные топчутся у дверей класса.

СЕРЁЖА. Куда, контрошка счас...
 ЛАРИСА. Какая тебе контрошка! Переодеться надо!
 СОНЯ (Засунув голову в дверь кабинета). Слышите! Вероника Пална! Бородин на контрольную идти не хочет!
 ЛАРИСА (Шепчет). Быстро слушай меня. Иди сегодня к Соломону.
 СЕРЁЖА. Мне только Соломона не хватало, млять.
 ЛАРИСА. Вот счас иди переоденься, а вечером к Соломону. Он тебе поможет.
 СЕРЁЖА. Да как он, млять, поможет?
 ЛАРИСА. Его мама любила в школе.
 СЕРЁЖА. Обосраться, как интересно.
 ЛАРИСА. Она поэтому тебя на музыку отдала.
 СЕРЁЖА. И чё теперь?
 ЛАРИСА. Чё теперь, чё теперь! Иди к нему, попроси помочь!
 СЕРЁЖА. Мне что – пойти сказать «возьмите мою мать замуж»?
 ЛАРИСА. Тупой, да?
 СЕРЁЖА. Да, тупой, я не понимаю, что мне это даст.
 ЛАРИСА. Я просто думаю, есть настоящие вещи...
 СЕРЁЖА. Чего-чего?
 ЛАРИСА. Настоящие вещи...

Что-то хочет сказать, захлёбывается, пытается не заплакать.

СЕРЁЖА. Я мысли читать не умею. Если есть что сказать – скажи нормально.
 ЛАРИСА. Да ты всё равно не слушаешь.
 СЕРЁЖА. Послушаю.
 ЛАРИСА. Не слушаешь, меня никто не слушает. Живи себе дальше на дне унитаза. (Быстро уходит).

СЕРЁЖА, помедлив, бежит за ней.

11.

Музыкальная школа. Кабинет СОЛОМОНА. Рядом с фортепиано стол, СОЛОМОН заполняет документы. Без стука в дверь входит СЕРЁЖА с перевязанной кистью.

СОЛОМОН. Ага. Повернись-ка вокруг себя.
 СЕРЁЖА. Зачем?
 СОЛОМОН. Хочу посмотреть, нет ли на тебе пыли.
 СЕРЁЖА. Откуда бы пыль?

СОЛОМОН. Не запылится ли ты.

СЕРЁЖА. Сегодня все шутят не очень удачно.

СОЛОМОН. Ты тоже решил пошутить, я вижу, или правда рука болит?

СЕРЁЖА. Правда. Ободрался.

СОЛОМОН. И зачем ты мне, однурукий бандит?

СЕРЁЖА. Я всё выучил, честно. Могу левую партию показать.

СОЛОМОН. Смысл?

СЕРЁЖА. Ну, не знаю, ну мне уйти, что ли?

СОЛОМОН. Писал что-нибудь?

СЕРЁЖА. Писал. Только потом порвал.

СОЛОМОН. Порвал?

СЕРЁЖА. Потом другое написал.

СОЛОМОН. Показывай.

СЕРЁЖА (Доставая из рюкзака тетрадь). Ну вот. Только я недееспособен.

СОЛОМОН. Ну-ка...

СОЛОМОН подходит к фортепиано, наигрывает по нотам, которые принёс СЕРЁЖА, сначала небрежно, потом увлечённо.

СЕРЁЖА. Вот.

СОЛОМОН. И ты смеешь не приходить.

СЕРЁЖА. Да это фигня, я на самом деле не за этим.

СОЛОМОН. Да ладно.

СЕРЁЖА. Я хотел с вами поговорить.

СОЛОМОН. Как интересно. Мне звонила твоя мама и тоже просила с тобой поговорить.

СЕРЁЖА. А я хотел поговорить, чтоб вы с ней поговорили.

СОЛОМОН. Я уже с ней говорил. Потому что ты пропускаешь занятия. Приходил, не застал тебя.

СЕРЁЖА. Я знаю. Я сейчас не дома часто. Хоть бы вообще там не быть.

СОЛОМОН. Вот как.

СЕРЁЖА. Не могу всё это видеть.

СОЛОМОН. Ясно.

СЕРЁЖА. Поговорите с ней, а?

СОЛОМОН. Почему ты думаешь, что это поможет?

СЕРЁЖА. Ну, звонит же она вам. Я её напугал немного, наверное, вот она и звонит. Не кому-то из своих... этих, а вам. Блин, очень тупо себя чувствую.

СОЛОМОН. Это нормально.

СЕРЁЖА. Просто выходит, она никого на место отца не ставит, а вас ставит.

СОЛОМОН. Это ты сам додумался?

СЕРЁЖА. А что?

СОЛОМОН. Не своими словами говоришь.

СЕРЁЖА. Ну да, если честно, это Лариска. Она ещё сказала, что вы в школе с мамой... ну, общались.

СОЛОМОН. Так.

У СОЛОМОНА звонит мобильный телефон.

СОЛОМОН. Да. Да. Я в школе ещё, в школе. В школе. Да. (Сбрасывает.)

СЕРЁЖА. В общем, поговорите с ней.

СОЛОМОН. Я уже говорил и не думаю, что это поможет.

СЕРЁЖА. Лариса говорит, что есть настоящие вещи...

СОЛОМОН. Лариса говорит, а ты как считаешь?

СЕРЁЖА. Я никак не считаю, меня задолбало всё. А она считает, Лариса, что если всё совсем плохо, человека могут вытащить какие-то настоящие вещи. Ну, они у каждого в жизни были.

СОЛОМОН. Были.

СЕРЁЖА. Вот и Лариса сказала, если мама вам звонит, то это, наверное... Блин, тупизм, она когда объясняет, у неё всё так одно к одному пригнано, а я сейчас говорю, и тупость какая-то.

СОЛОМОН. Настоящие вещи. Понимаешь, Серёжа, если человек даже обо всём догадался, сам всё подстроил, свёл людей вместе, то никак ничего не получится, хоть ты вроде всё учёл. А со временем понимаешь, что хорошие вещи нарочно не происходят. Настоящие вещи нарочно не происходят. Настоящие вещи происходят случайно. Горько, но это так. Бесплезно что-то подстраивать, выстраивать. Просто нет никакого рационального решения. Нет волшебной таблетки, короче говоря, не существует её.

СЕРЁЖА. Короче говоря, вот вам ключ.

СОЛОМОН. Зачем?

СЕРЁЖА. А я всё равно сегодня к бабке пойду. А вы туда идите.

СОЛОМОН. Ты с ума сошёл? Она меня вытолкает.

СЕРЁЖА. Не. Она вас уважает.

СОЛОМОН. Ты бы видел, как она меня уважала, когда я приходил на днях.

СЕРЁЖА. Это она непуганая ещё была, а сейчас пуганая.

СОЛОМОН. Послушай, человек – не дикий зверь. Если в угол загнать, результаты могут быть вообще непредсказуемые.

СЕРЁЖА. А вы не загоняйте. Вы повспоминайте что-нибудь приятное. Про школу, например. Может, ей легче станет. Ну, нет волшебной таблетки, ладно, но что-то же есть? Вы её тогда поддержали после смерти бабушки, поддержите и сейчас. Скажите, что ей на работу надо устроиться...

СОЛОМОН. Не понимаю, почему наши люди так не любят услуги профессиональных психологов.

СЕРЁЖА. А как я её к психологу, палкой загоню?

СОЛОМОН. Ты меня сам сейчас загоняешь. И вообще шантажируешь.

СЕРЁЖА. Кстати, совсем забыл. Я зарежусь.

СОЛОМОН. Слушай, это просто пошлость.

СЕРЁЖА. Да мне всё равно, сделайте что-нибудь.

СОЛОМОН (Показывает на руку). Это ты в школе подрался?

СЕРЁЖА. Не переводите тему.

СОЛОМОН. Может, тебе школу поменять?

СЕРЁЖА. Не в школе дело. Меня там никогда не любили особо. Это просто повод. Я с Санькой поцапался, вот и стал хитом дня. Завтра что-то другое придумают. Какой смысл школу менять, если главное дерьмо дома?

СОЛОМОН. Твоя мать взрослая женщина, сама выбирает, как жить.

СЕРЁЖА. А я тоже там живу. И я не хочу, чтоб в моём доме жили чужие. Жрали из моего холодильника, мусор раскидывали и окурки.

СОЛОМОН. Я тоже курю.

СЕРЁЖА. И что?

СОЛОМОН. Имей в виду.

СЕРЁЖА. Отлично, вы меня поняли.

СОЛОМОН. Ключ я не возьму. Я тебя сегодня отпускаю. А матери твоей позвоню и договоримся о встрече.

СЕРЁЖА. Нельзя ей звонить. Её надо врасплох застать.

СОЛОМОН. От неожиданности одумается? Тебе самому не смешно?

СЕРЁЖА. Смешно. Счас сдохну от смеха.

Выскакивает из кабинета.

СОЛОМОН. Серёжа! Ключ забыл!

12.

Вечер. Квартира ЛИДИИ. СОЛОМОН открывает дверь ключом. ЛИДИЯ выходит в прихожую и изумлённо останавливается.

СОЛОМОН. Я не знаю, зачем пришёл.

ЛИДИЯ. А ты никогда ничего не знаешь.

СОЛОМОН. Ключ мне Серёжа дал.

ЛИДИЯ. А то кто же.

СОЛОМОН. Ты кого-нибудь ждёшь?

ЛИДИЯ. Сына.

СОЛОМОН. Он, похоже, к бабушке собрался.

ЛИДИЯ. Ты с ним говорил?

СОЛОМОН. Говорил.

ЛИДИЯ. Он не будет больше пить?

СОЛОМОН. Ты сама не пей, для начала.

ЛИДИЯ. И что мне делать предлагаешь?

СОЛОМОН. Живи, что.

ЛИДИЯ. Живи? Мне некуда жить и нечем.

СОЛОМОН. Зато есть, для кого жить.

ЛИДИЯ. Для детей? Зачем я им такая?

СОЛОМОН. Без надрыва, пожалуйста. Какая-никакая...

ЛИДИЯ. Никакая.

СОЛОМОН. Ну так стань «какой».

У СОЛОМОНА звонит мобильный телефон. СОЛОМОН машинально кладёт ключ в карман, отвечает на звонок.

СОЛОМОН. Да. Да. Нет, не скоро. Паша палец вывихнул. Ну вот так. Да, вместо него. Нет, нельзя. Да, надолго. Я позвоню. Пока. Я позвоню. Пока. (Сбрасывает.)

ЛИДИЯ. Это кто у вас там чего вывихнул?

СОЛОМОН. Мы в ресторане тут рядом играем по вечерам, у меня среда обычно. А по вторникам Паша.

ЛИДИЯ. Палец вывихнул?

СОЛОМОН. Палец.

ЛИДИЯ. А может, всю руку для верности?

СОЛОМОН. Может.

ЛИДИЯ. Так ты беги, подмени его, ты что. Место хорошее потеряете.

СОЛОМОН. Лида, перестань.

ЛИДИЯ. Заработок же. Что там в школе-то платят.

СОЛОМОН. Перестань.

ЛИДИЯ. Маму-то на что кормить будешь?

СОЛОМОН. Лида...

ЛИДИЯ. Её инвалидность да твоя зарплата... У кого больше, кстати?

У СОЛОМОНА звонит телефон. СОЛОМОН сбрасывает вызов, не отвечая.

ЛИДИЯ. Это очень жестоко сейчас было.

СОЛОМОН. Нормально.

ЛИДИЯ. Нет, жестоко. Просто ужасно. Иди, вправляй палец Паше своему и возвращайся домой. И позвони пятьсот раз.

СОЛОМОН. Думаю, мне стоит остаться.

ЛИДИЯ. Стоит сначала свои проблемы решить, а потом чужие.

СОЛОМОН. Ты не чужая.

ЛИДИЯ. Давно ли?

СОЛОМОН. Всегда.

ЛИДИЯ. Хм. Ну, давай выпьем, что ли.

СОЛОМОН. А ты не в состоянии иначе разговаривать?

ЛИДИЯ. В состоянии. Просто я злобная.

СОЛОМОН. И что ты злобная-то?

ЛИДИЯ. Ты мало того, что ворвался, так ещё и исповеди ждёшь.

СОЛОМОН. Не жду, я грехи не отпускаю.

ЛИДИЯ. А их никто не отпустит, кроме меня самой, а я себя не отпущу ни за что.

СОЛОМОН. Вот и зря.

ЛИДИЯ. Пошли, выпьем.

Приносит из кухни бутылку. Садятся в зале, наливают.

СОЛОМОН. Тебе Серёжа играл, что он написал недавно?

ЛИДИЯ. Он мне больше кричит, а не играет.

СОЛОМОН. Ему обязательно нужно заниматься. Он не вылезет на одном таланте.

ЛИДИЯ. Да кто его знает. Полно самоучек, которые даже нот не знают.

СОЛОМОН. Просто ему же стыдно самому будет, он-то знает, что может намного лучше. Человек должен задействовать максимум ресурсов.

ЛИДИЯ. Никто не должен никому. Синдром отличника – это ужасно вообще, не надо его развивать.

СОЛОМОН. Я был отличником.

ЛИДИЯ. У тебя он тоже есть.

СОЛОМОН. Что-то незаметно.

ЛИДИЯ. Есть-есть. Вот представь: ребёнок учится не очень, так-сяк, с тройки на четвёрку. Но ему хочется, чтоб родители купили крутые кеды, например. А они ему говорят: мы тебе купим, если будешь учиться на четвёрки. Он учится на четвёрки, но теперь ему хочется приставку. Ну, учись на пятёрки, тогда мы купим тебе приставку. Он учится на пятёрки, но теперь ему хочется, допустим, велик. А всё! Потолок! Он не может учиться больше, чем на пятёрки. А если он не может стать лучше, он всегда будет плохим, и за каждую четвёрку его будут так утюжить...

СОЛОМОН. А я сразу учился на пятёрки.

ЛИДИЯ. У тебя, значит, сразу была финальная стадия. Мама тебя не насчёт пятёрок, а чтоб домой вовремя возвращался.

СОЛОМОН. Угу.

ЛИДИЯ. Видишь? А у меня ещё хуже. Мне мама сказала, что меня Бог наказал.

СОЛОМОН. Когда?

ЛИДИЯ. А когда вот это с папой было. И я, главное, поверила. Маму-то за что наказывать, она нормальная всегда была. На отца только ругалась, что он в долги влез. Она тогда сильно молиться стала. И меня всё время таскала в церковь. Помню их трапезную, хлеб этот, порезанный грязным ножом, весь в каких-то крошках, а что они варили там в котле, вода, и в ней хлопья капусты какие-то плавают... И вроде не пост был. И мы это ели почему-то, с ними. Может, есть было нечего. Нам церковь помогала. Даже вещи какие-то передавали. Я всё время ходила в чьих-то чужих вещах. А мама ляпнула, что меня Бог наказал, я стала думать, за что. Ну, и перестала с мальчиками. Или они со мной перестали. Они такое чувствуют. Ну и видели, что уже не то что-то. Кем я там стала-то потом.

СОЛОМОН. Со мной-то не перестала.

ЛИДИЯ. С тобой-то я бы не перестала, если б не твоя мама, да ты ещё сомневался.

СОЛОМОН. Я всегда сомневаюсь. Зато ошибаюсь меньше.

ЛИДИЯ. И я была хорошей, хорошей, я была такой хорошей, с тобой мы расстались из-за мамы, а я всё равно была хорошей, и вышла замуж за Колю, и родила Серёжку, а потом Лариску, а потом ещё стала в институте учиться, и всё была хорошей, и у меня много друзей было, и Валерик, и Сарычев Вася, а я всё равно была хорошей, а Коля всё равно пил, а потом умер. Вот так. Вот так.

Целуются.

13.

Ночь. Двор. Появляется ВАЛЕРА, долго звонит в домофон, ругается, раздражённо ходит туда-сюда, потом начинает кричать, подняв голову: «Пидарас! Выходи!» Кричит очень долго, потом уходит.

СРЕДА

14 (Финал-1).

Утро. Квартира ЛИДИИ, зал. Диван, фортепиано, журнальный столик, на столике остатки еды. ЛИДИЯ и СОЛОМОН просыпаются на диване в обнимку.

ЛИДИЯ. Я когда на таком узком пространстве лежу, представляю, что в поезде, на боковой полке.

СОЛОМОН. Чучух-чучух.

ЛИДИЯ. Чучух-чучух. Куда мы едем?

СОЛОМОН. Из Парижа в Лондон.

ЛИДИЯ. Что-то жирно для наших финансов.

СОЛОМОН. Наша армия завоевала и Англию, и Францию, и теперь из Парижа в Лондон идут поезда с боковыми полками.

ЛИДИЯ. Да это ад...

СОЛОМОН. Ты бы видела чебуречную на месте Тауэра. «Теперь с воронами!»

ЛИДИЯ. А знаешь, не в Лондон. Забери меня в Израиль. Ты же хотел уехать. Хочу, чтоб тепло, чтоб хоть немножко тепла. Чтоб деревá в цвету.

СОЛОМОН. Ты же помнишь, кем я работаю?

ЛИДИЯ. Я работать буду. Я же экономист. Заработаю нам...

СОЛОМОН. И с мамой уживёшься.

ЛИДИЯ. Ну да, смешно, конечно. Я не изверг, а ждать, пока... а ужиться, нет, не уживусь.

СОЛОМОН. Что делать...

ЛИДИЯ. А ты не хочешь разве, чтоб деревá в цвету?

СОЛОМОН. Я хотеть-то хочу ещё. Только не думаю, что пригожусь там.

Целует её, встаёт, уходит в ванную комнату.

ЛИДИЯ поднимается с дивана, открывает окно, долго смотрит в окно, лезет на подоконник.

СОЛОМОН возвращается.

СОЛОМОН (Схватив её). Ты чего, ты куда?

ЛИДИЯ. Смотрю. Там всю ночь под окнами кто-то орал.

СОЛОМОН. Я спал.

ЛИДИЯ. А я плохо сплю. Поэтому лежала и слушала.

СОЛОМОН. Чего орал?

ЛИДИЯ. Искал своих друзей.

СОЛОМОН. Он что, реально кричал «Друзья, где вы?»

ЛИДИЯ. Нет, он кричал «Пидарас, выходи».

СОЛОМОН. Ну да. Так друзей не найдёшь.

Смеются.

СОЛОМОН. Ну, я пошёл.

ЛИДИЯ. Иди.

СОЛОМОН. Ты тут нормально?

ЛИДИЯ. Я тут нормально.

СОЛОМОН. Я приду потом.

ЛИДИЯ. Не надо.

Молчат.

СОЛОМОН. Ладно, я пошёл.

ЛИДИЯ. Ты сказал уже.

СОЛОМОН. А теперь иду.

СОЛОМОН уходит. ЛИДИЯ приносит из кухни в комнату бутылку вина и стакан. Ставит стакан на стол, наливает вино, льёт через край, не замечая, разливает вино по столу, вино льётся на пол, бутылка опустела. ЛИДИЯ вытирает стол рукой. Мокрой рукой трёт лицо.

Стучат в дверь. ЛИДИЯ неподвижно стоит у стола. В дверь продолжают стучать. ЛИДИЯ с мокрым лицом отправляется открывать дверь.

В комнату входит СЕРЁЖА со школьным рюкзаком. Смотрит на разгром, на ЛИДИЮ.

СЕРЁЖА (Ухмыляясь). Mam. Я креститься хочу.

ЛИДИЯ. А зачем?

СЕРЁЖА. А какая разница?

ЛИДИЯ. Вот именно, что никакой.

ЛИДИЯ уходит в ванную. СЕРЁЖА методично прибирается: вытирает со стола, вытряхивает пепельницу, выбрасывает бутылку.

Входит запыхавшаяся ЛАРИСА со школьным рюкзаком.

ЛАРИСА. Ну что тут?

СЕРЁЖА. Что он сказал?

ЛАРИСА. Ничего.

СЕРЁЖА. И так всё ясно. Не надо было за ним бежать.

ЛАРИСА. Я почти до разъезда добежала. Он даже не обернулся.

СЕРЁЖА. А я что говорил?

ЛАРИСА. Мы рано вернулись. Надо было сначала в школу.

СЕРЁЖА. Никакой разницы.

СЕРЁЖА находит на столе нож. ЛАРИСА, увидев это, молча кидается отнимать. Борьба.

СЕРЁЖА отпихивает ЛАРИСУ в угол.

ЛАРИСА. Мама!

ЛИДИЯ (Из ванной). Я в туалете!

СЕРЁЖА. Тихо.

ЛАРИСА. Мама, он нож взял!

ЛИДИЯ. Я тебя не слышу, скажи потом!

СЕРЁЖА сидит на диване, смотрит на нож.

ЛАРИСА (тихо). Серёжечка, отдай. Серёжечка, отдай, пожалуйста.

СЕРЁЖА. Успокойся.

Слышно, как ЛИДИЯ выходит из ванной и отправляется на кухню. ЛАРИСА пытается встать, ноги у неё дрожат.

ЛИДИЯ (голос). Идите, поешьте перед школой.

СЕРЁЖА. Счас.

ЛИДИЯ. Ты играл сегодня?

СЕРЁЖА. Когда бы?

ЛИДИЯ. Зря, что ли, бабушке пианино ставили?

СЕРЁЖА. Оно расстроенное.

ЛИДИЯ. Да?

СЕРЁЖА. Ага. В хлам. Наше тоже, кстати, не очень.

ЛИДИЯ. Надо настройщика звать.

СЕРЁЖА. Ага. Надо.

Подходит к фортепиано, открывает крышку, смотрит на клавиши, потом начинает с размаху тыкать в клавиши ножом.

ЛИДИЯ. Ты что там?

СЕРЁЖА. Проверяю.

ЛИДИЯ. Ещё больше расстроишь.

СЕРЁЖА. Ещё больше.

Стоит возле фортепиано с ножом в руках.

ЛИДИЯ появляется в дверях, смотрит на разорённое фортепиано. Подходит к СЕРЁЖЕ, обнимает его сзади.

ЛИДИЯ. Сыграй мне что-нибудь.

15 (Финал-2).

Квартира СОЛОМОНА. Кровать у окна, рядом инвалидная коляска, на ней висит пиджак, на кровати с закрытыми глазами лежит КЛАРА ХАИМОВНА. Входит СОЛОМОН.

СОЛОМОН. Извини, что так долго...

КЛАРА ХАИМОВНА не отвечает, лежит неподвижно. СОЛОМОН подходит, приглядывается.

СОЛОМОН. Мам! (Трясёт её.)

КЛАРА ХАИМОВНА (Открыв глаза). Хлеба хоть взял?

СОЛОМОН. Господи, ты что так пугаешь? Ты что лежишь без движения?

КЛАРА ХАИМОВНА. Я специально.

СОЛОМОН. Специально?

КЛАРА ХАИМОВНА. Если я пошевелюсь, я лопну.

СОЛОМОН. Давай в коляску.

КЛАРА ХАИМОВНА. Лучше утку.

СОЛОМОН. А что так?

КЛАРА ХАИМОВНА. А я что-то ослабела. Перенервничала.

СОЛОМОН. Начинается.

КЛАРА ХАИМОВНА. Боюсь, не донесу.

СОЛОМОН. А я тебе говорил – памперс надо.

КЛАРА ХАИМОВНА. Памперсы. Куда как мило. Я, значит, буду тут в памперсах лежать, вся такая красивая, а ты будешь где-то бегать?

СОЛОМОН. Давление давай смеряем.

КЛАРА ХАИМОВНА. Потом давление, я не завтракала. Хлеба почему не взял?

СОЛОМОН. Да я даже без карточки вышел.

КЛАРА ХАИМОВНА. Пустая твоя голова...

СОЛОМОН. А что я мог, кто ж знал, что Пашка палец, ээм-эээм, руку повредит?

КЛАРА ХАИМОВНА. Подменил бы кто-нибудь другой. Не вытурили бы!

СОЛОМОН. Вытурили. Там много кто играть хочет, место хорошее, по выходным так вообще битком, и по будням нормально. Мне нельзя терять, сама знаешь, на одну зарплату мы с тобой не проживём.

КЛАРА ХАИМОВНА. А как ты играешь в ресторане, так мы прямо в золоте купаемся.

СОЛОМОН. Перестань, пожалуйста.

КЛАРА ХАИМОВНА. Чтоб больше этого не было. Ты не лабух, по ресторанам играть. Найди себе что-нибудь другое.

СОЛОМОН. Что? Что – другое? И как я искать буду, бегать? И когда?

КЛАРА ХАИМОВНА. Опять я тебе мешаю, надо полагать?

СОЛОМОН роется в карманах пиджака, висящего на спинке коляски, вытаскивает бумажник, кладёт в карман куртки. Из кармана куртки выпадает ключ. СОЛОМОН поднимает ключ, долго смотрит на него.

СОЛОМОН. Так, я за хлебом.

КЛАРА ХАИМОВНА. А утка?

СОЛОМОН. И за уткой.

КЛАРА ХАИМОВНА. Очень смешно. Куда!

СОЛОМОН порывается уйти, потом возвращается, вынимает из-под кровати утку. КЛАРА ХАИМОВНА цепляется в его руку.

КЛАРА ХАИМОВНА. Ты мне скажи, куда ты идёшь? Куда ты идёшь?

СОЛОМОН (Вырвавшись). За хлебом я! За хлебом!

СОЛОМОН быстро выходит.

КЛАРА ХАИМОВНА. Чёрт знает что.

Ловко перебирается в коляску, укатывается на кухню.

16.

СОЛОМОН выходит из дома, сначала идёт, потом почти бежит, потом бежит очень быстро.

ЗАНАВЕС